

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 140–157.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 4. P. 140–157.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-140-157

FESTINA LENTE: ХРИСТИАНСКИЙ И СЕКУЛЯРНЫЙ ВЗГЛЯДЫ

Анна Федоровна Макарова

Философский факультет Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия;

Институт философии Российской академии наук,
Москва, Россия, anna.fed.mak@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5698-5836>

 Аннотация. В статье рассматривается концепция «медленности», получившая развитие как в секулярном «медленном движении», так и в работах русских христианских мыслителей (Никанора (Бровковича), К. Н. Леонтьева, Н. А. Бердяева и др.). Отмечаются черты сходства и даже совпадения двух подходов к проблеме замедления — например, важность практик безмолвия и созерцания, сохранения разнообразия культур и природы, разумного потребления, повышения благосостояния человека (понятого не экономически, а психологически). Отдельно рассматриваются вопросы восприятия длительности, ритма и музыкальной метафоричности (А. Бергсон, А. Ф. Лосев, Г. Г. Нейгауз), которые могут прояснить некоторые аспекты отношений человека и времени, значение пауз и слушания тишины в человеческой жизни. Отмечается, что аргументация христианских мыслителей по вопросу важности замедления может значительно углубить аксиологические основания «медленного дви-

© Макарова А. Ф., 2023

жения», в то время как развитие практик медленности (Cittaslow, «медленный туризм», «медленная наука» и проч.) актуализирует даже весьма архаичные тексты христианских авторов.

Ключевые слова: «медленное движение», медленность, темп, локальные культуры, глобализация, христианская философия

Благодарности. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00581 «Современная экологическая повестка: религиозный и секулярный взгляды».

Ссылка для цитирования: Макарова А. Ф. Festina Lente: христианский и секулярный взгляды // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 4. С. 140–157. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-140-157.

Literature. Philosophy. Religion

FESTINA LENTE: CHRISTIAN AND SECULAR VIEWS

Anna F. Makarova

Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, anna.fed.mak@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-5698-5836>

Abstract. The article examines the concept of “slowness”, which was developed both in the secular “slow movement” and in the texts of Russian Christian thinkers (Nikanor (Brovkovich), Konstantin Leontiev, Nikolai Berdyaev, etc.). The author notes some similarities and coincidences of the two approaches to the problem of slowing down — for example, the importance of silence and contemplation, preserving the diversity of cultures and the diversity of nature, reasonable consumption, increasing human well-being (understood not economically, but psychologically). Moreover, the author considers the issues of perception of duration, rhythm and musical metaphors (Henri Bergson, Alexey Losev, Heinrich Neuhaus), which can clarify some aspects of the relationship between man and time, the meaning of pauses and listening to silence in human life. It is noted that the argumentation of Christian thinkers on the importance of slowing down can significantly deepen the axiological foundations of

the “slow movement”, while the development of slowness practices (Cittaslow, “slow tourism”, “slow science”, etc.) actualizes even very archaic texts of Christian authors.

Keywords: “slow movement”, slowness, pace, local cultures, globalization, Christian philosophy

Acknowledgments. The article is supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00581 “Modern environmental agenda: religious and secular views.”

For citation: Makarova, A. F. (2023) “Festina Lente: Christian and secular views”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(4), pp. 140–157. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-4-140-157.

Религиозная и секулярная повестки значительно отличаются и темами, и задачами, и способами их решения: некоторые проблемы, определяющие христианское мировидение, часто неразличимы секулярной «оптикой», бессодержательны для нее. Очевидно, что внутри философского сообщества есть тематическая спецификация — например, вопрос метанойи, покаяния рассматривается христианами философами¹, но игнорируется нетеистическими авторами; разница религиозного и секулярного мировосприятия и вне философии весьма значительна. Тем не менее, несмотря на явные различия подходов, в ряде выводов и рекомендаций христианской и секулярной мысли мы находим удивительные созвучия, порой переходящие в унисон. В этой статье мы посмотрим на одно из них — учение христианских (православных) мыслителей об ускорении жизни и современные секулярные теории и (что весьма важно) практики «медленности»².

«Медленная жизнь», выраженное стремление к медленности как к желаемому свойству человеческих дел и процессов — сравнительно новое явление в культуре. Начавшись в 1986 году в Италии со слоуфуд-движения (*slowfood* — «медленная еда» в противоположность *fastfood* — быстрому питанию) по ини-

¹ Призыв к идейной и аргументативной автономии христианских философов зафиксировал в своем манифесте «Совет христианским философам» Алвин Плантинга [Плантинга, 2014, с. 467–498].

² Здесь и далее мы употребляем слово «медленность», а не «медлительность». Последнее отягощено негативными коннотациями и имеет оттенок соотнесения с некой нормой (человека называют медлительным, если он действует медленнее ожидаемого или принятого); к тому же слово «медленность» употребляется в отношении как одушевленных, так и неодушевленных субъектов, а «медлительность» с неодушевленными субъектами употребляется только как троп («медлительный автомобиль», «медлительный город»).

циативе Карло Петрини, с годами оно значительно расширилось: теперь есть «медленный туризм», «медленное искусство», «медленное образование», «медленная наука», «медленная мода» и многое другое. Возможно, наиболее знакомое словосочетание в этом контексте — «медленное чтение»³ — глубокое, вдумчивое общение с текстом, которое противопоставляется «техническому» скорочтению. Другое известное явление — движение Cittaslow («медленный город»), которое появилось в 1999 году в результате инициативы Паоло Сатурнини, мэра Грече-ин-Кьянти, маленького городка в Тоскане; теперь в движение Cittaslow входит более 250 городов. Больше всего «медленных городов» в Италии (родине «медленного движения»), Польше, Германии, Турции, Южной Корее; единственный «медленный город» в России — Светлогорск (Калининградская область). Среди целей Cittaslow — сокращение транспортного потока и создание городской среды, ориентированной на удобство пешеходов, уменьшение шума, развитие экологических технологий, создание зеленых и пешеходных зон, поддержка местных фермеров и несетевых магазинов, сохранение (или восстановление) местных традиций. Все «медленные» практики так или иначе сочетаются с осознанным потреблением или бытовым минимализмом, и движение Cittaslow стремится к наиболее системному воплощению экологически ориентированного поведения.

«Медленное движение»⁴ стремится не архаизировать жизнь человека, не превращать его в современного луддита, а замедлить ее «до более естественного, человеческого темпа»⁵, то есть сделать скорость жизни антропосоразмерной, более приемлемой для человеческой природы. Таким образом, современные идеологи замедления претендуют на понимание нормы человеческой природы, по крайней мере в некоторых аспектах. Об этой норме стремились напомнить и мыслители прошлых веков. Так, английский художник и христианский философ Джон Рёскин (John Ruskin, 1819–1900) с небрежением и даже отвращением относился к строительству железных дорог, ускоряющих и обесмысливающих передвижения людей, лишаящих времени созерцания приро-

³ См., например: [Искусство медленного чтения ... , 2020].

⁴ Среди организаций, созданных в рамках «медленного движения», можно отметить американский фонд «Продлить мгновение» (англ. Long Now Foundation), европейское «Сообщество замедления времени» (англ. Society for the Deceleration of Time), «Мировой институт медленности» (англ. The World Institute of Slowness), а также «Международный институт неделания слишком многого» (англ. International Institute of Not Doing Much) и японский «Клуб неторопливости» (англ. Sloth Club). Кроме того, существует австралийская инициатива Neighbourhood Pace Program.

⁵ «...часы никогда не замедляют ход, но наш разум замедляется до более естественного, человеческого темпа» (“...the clock never slows but our minds slow down to a more natural, human pace”) (URL: <https://www.theworldinstituteofslowness.com/> (дата обращения: 01.09.2023)).

ды и самих себя⁶. У некоторых русских христианских мыслителей тоже была выраженная настороженность к ускорению передвижений; железные дороги в этом контексте могут мыслиться лишь как зримый повод к осознанию опасностей ускорения, как символ ускорения жизни. Более последовательно, чем в отповедях Рёскина, неприятие ускорения жизни выражено в «Поучении при освящении зданий железнодорожного вокзала в Одессе» (1884) архиепископа Никанора (Бровковича)⁷. Проследим за параллелями и совпадениями его мысли с другими русскими христианскими философами и с современной экологической повесткой, отраженной в том числе в «медленном движении», — так мы сможем увидеть, с одной стороны, более глубокий духовно-антропологический слой «медленных» секулярных идей, с другой — актуальность религиозно-философских текстов XIX и XX веков.

Архиепископ Никанор (Бровкович) в «Поучении» приводит два типа аргументов для доказательства вреда ускорения передвижений и всей человеческой жизни: один связан с «истощением благотворных для человека сил вещественных», другой — с тратой нравственной, духовной силы. Другими словами, Никанор рассуждает о вреде «вещественной» (физической) и душевной быстроты.

Всякая скорость развивает в мировой системе мену силы, а на земной поверхности, а в человеке, (в сем последнем даже скорость мысли), развивает и трату силы, так что чем больше быстрота действия, тем больше требует она траты и силы... Тут, в трате силы на всякую скорость, на скорость даже мысли, один вред, одна опасность.

[Никанор (Бровкович), 1884, с. 334]

⁶ «В двенадцати милях от меня находится город Ульверстон. Из этих двенадцати миль четыре идут по горной местности у озера Конистон, три — по цветущей живописной долине, и пять — вдоль моря. Трудно найти более здоровое и красивое место для прогулки. В былое время, если конистонскому крестьянину нужно было отправиться в Ульверстон, он шел пешком, не тратил ничего или только изнашивал подметки сапог, пил у ручья и самое большее, если расходовал в Ульверстоне две копейки. Но теперь он и не подумает так пройтись. Нет, он прежде всего делает три мили в противоположную сторону, чтобы добраться до железнодорожной станции, затем проезжает по железной дороге двадцать четыре мили до Ульверстона и платит два шиллинга за свой билет. Во время этой поездки он торчит, ничего не делая, чувствует себя дурак дураком, его с головы до ног обдаёт пылью, и он страдает то от холода, то от жары; и в том и в другом случае он на двух или трех станциях пьет пиво и, встретив какого-нибудь подходящего товарища в вагоне, проводит время в праздной болтовне, которая всегда вредна. Наконец, он приезжает в Ульверстон усталый, полупьяный, деморализованный и, по крайней мере, на три шиллинга беднее, чем был утром» [Сизеранн, 1900, с. 29–30].

⁷ Подробнее о месте «Поучения» в мысли архиеп. Никанора (Бровковича) см.: [Соловьев, 2014].

В этом простом «арифметическом» рассуждении Бровкович обозначает свой скепсис по поводу ценности ускорения вообще. Его позицию можно описать, перефразируя расхожий афоризм о философии: «Польза ускорения не доказана, а вред от него возможен». Интересно, что Никанор отмечает даже ускорение мысли — необходимость думать как можно быстрее, сменять одну мысль другой, отказываться от роскоши неторопливых размышлений. В этой связи уместно вспомнить манифест «медленной науки», авторы которого напоминают, что «науке нужно время», что ученые не должны торопиться⁸. Современный исследователь Лутц Кёпник замечает, что для качественной работы ученого нужна «определенная степень физического покоя», а «практика критического (и не только) письма в гуманитарных науках сохраняет прочную связь с неторопливым бременем буржуазной интеллектуальной культуры прошлого столетия» [Кёпник, 2023, с. 335].

Второй «вещественный» аргумент Бровковича, приводимый в развитие первого, — «опасность разрушительного удара в случае затруднения скорости, а тем более в случае остановки движения» [Никанор (Бровкович), 1884, с. 335]. И действительно, велик риск уничтожения объекта, несущегося с огромной скоростью, при столкновении с преградой из-за технического сбоя на путях (особенно железнодорожных), тем более при злонамеренной порче этих путей. Если аналогичным образом рассмотреть когнитивные процессы, то мы заметим, сколь велика уязвимость современного человека (и даже человека конца XIX века, которому адресовал свое послание Бровкович), вынужденного мчаться в потоке множества информационных источников, прослушивать десятки мнений по каждому вопросу, следить за каждым событием в мире. В результате неизбежно снижается качество мысли, ее самобытность, а собственная мудрость, на формирование которой нужно время, заменяется расхожими представлениями, быстрыми впечатлениями от чужой речи.

Еще один «вещественный» аргумент Никанора вполне созвучен современной экологической повестке: рассуждая о том, какое количество топлива тратится на обеспечение быстрых передвижений, Никанор верно возводит топливо (уголь) к запасам органического материала и указывает на его конечность. Также автор отмечает «отказ» природы возобновлять вырубаемые леса, что приводит, помимо прочего, к истощению водных источников, уменьшению биоразнообразия («Истреблением лесов мы истребляем богоданное жилище для зверей, диких и кротких, для птиц, для насекомых»; «Все пожрано,

⁸ Полный текст манифеста размещен на сайте: URL: <http://slow-science.org/> (дата обращения: 01.09.2023).

особенно же около железных дорог» [Никанор (Бровкович), 1884, с. 336]). Более того, Бровкович производит весьма точное экологическое прогнозирование, вплоть до указания угрожаемых видов животных: «Мы знаем, что на земле исчезли многие роды животных... Скоро в Европе останутся только воспоминанием естественной истории медведь, волк, лисица, лось, зубр, буйвол и многое множество живых родов. Воспоминанием останутся многие роды птиц, гадов, насекомых» [Никанор (Бровкович), 1884, с. 336]. Перечисленные Бровковичем представители европейской мегафауны действительно были или уничтожены (в частности, конфликтные виды — крупные хищники и крупные травоядные, ставшие объектами охоты ⁹), или значительно стеснены из-за фрагментации среды обитания. Впрочем, в последние десятилетия наблюдается некоторая ревитализация экосистем Европы [Rewilding European Landscapes, 2015]. Кроме того, Бровкович отмечает такие последствия дисбалансов экосистемы, как нашествия насекомых на поля и уничтожение урожаев, болезни сельскохозяйственных животных. Не остается без внимания мыслителя и «жадность культивируемого человека к животной пище» [Никанор (Бровкович), 1884, с. 337], которая неизбежно сопровождается убийством животных и, по мнению многих православных мыслителей, имеет не только физические, но и духовные последствия для человека ¹⁰.

«Духовно-нравственные» аргументы Бровковича против ускорения жизни весьма интересны в контексте современных секулярных теорий: если в «вещественной» части Никанор все-таки не оригинален и воспроизводит общие места (хотя делает это точно и прозорливо), то духовно-нравственные доводы представляются нам потенциально применимыми для современных экодвижений и могут значительно углубить их аксиологические основания. Кроме того, рассмотрение собственно человеческих последствий ускорения, «экологии души» наряду с «экологией природы», продуктивно для философских поисков и в некоторых сюжетах к ним примыкает. В «Поучении» Никанор рассуждает о *благосостоянии* людей: разве оно увеличивается с ускорением передвижений и строительством новой инфраструктуры? Экономическое, «внешнее» понимание благосостояния позволяет ответить на этот вопрос утвердительно. Действительно, развитие транспортной сети приносит общественную и личную пользу, удобство. Однако сведение категории благососто-

⁹ Так, например, упомянутые Бровковичем зубр и волк действительно практически исчезли в Европе. См. об этом в: [Past climate changes ... , 2016; Linnell and Cretois, 2018].

¹⁰ Конечно, православные авторы адресовали критические рассуждения о мясоедении прежде всего монахам, но к мирянам эти выводы, полагаем, также имеют отношение. См., например, рассуждение преп. Василия Поляномерульского «О воздержании от брашен, возбраненных монахам»: [Трезвомыслие ... , 2002, с. 122–146].

яния к пользе весьма узко, «польза» и второстепенно; важнее «внутреннее» благосостояние, «чувство довольства, покоя и счастья» [Никанор (Бровкович), 1884, с. 341], которым противостоит тревога, порождаемая ускорением жизни и постоянным возникновением (или целенаправленным созданием) новых потребностей. Но если нет возможности удовлетворять эти новые потребности, нет и благосостояния. Итак, христианская психологизация благосостояния человека представляется нам важным элементом антропологического самоосмысления: какова необходимая и достаточная мера блага, да и *что* есть благо для человека? Не уходя в историко-философский комментарий, ограничимся конвенциональным «антропосоразмерным» пониманием благосостояния человека, общим и для христианской, и для секулярной мысли: человек благосостоятелен тогда, когда он доволен; доволен тогда, когда удовлетворены его разноуровневые разумные потребности; он может их удовлетворить тогда, когда знает эти потребности; он может квалифицировать их как разумные, когда понимает, *что* разумно для него. В таком случае для обретения благосостояния базовым и необходимым процессом становится самопознание и соотнесение себя с некоторой человеческой «нормальностью», достижимой и приносящей удовлетворение. Здесь общехристианское стремление к добровольной аскезе сближается с энафизмом (от англ. enough — ‘достаточно’) и отчасти с антиконсьюмеризмом (антипотребительством). В. Д. Кудрявцев-Платонов в статье «Телеологическое значение природы» обоснованно предполагает, что при полной обеспеченности, которую могла бы природа дать человеку, он не вышел бы из состояния самодовольного животного, не создал бы наук, искусств и ремесел. Конечно, в этом тезисе заметна презумпция желательности развития, ведь позволительно спросить: а что плохого в состоянии полной обеспеченности и беззаботности, что предосудительного в бытии самодовольным животным? Впрочем, этот вопрос далеко выходит за рамки рассматриваемых сюжетов. Итак, представления о сути и цели благосостояния человека могут различаться, но среди обеспечительных факторов этого благосостояния и в христианском, и в секулярном мировоззрении явно выделяется сохранение «человеческого темпа»¹¹ жизни и мысли.

Темп становится «человеческим», когда регулярными практиками жизни остаются *уединение* и *созерцание*. Бровкович напоминает:

¹¹ Понятие «темп» (от лат. tempus — ‘время’) в бытовом словоупотреблении часто синонимично «скорости», однако между ними все-таки есть разница. Скорость показывает, какое расстояние (объем работы и проч.) преодолел объект за единицу времени, а темп — сколько времени потрачено на прохождение единицы расстояния. Таким образом, меняется акцент. Приведенное словосочетание ‘человеческий темп’ (от англ. human pace) акцентирует внимание на цели, заявленной «медленным движением».

Спаситель учит: *егда молишися, вниди в клеть твою и помолися в тайне.* Этим предначертан тот закон развития высокого христианского духа, что для возвышения, очищения и укрепления духа, для питания высоких помыслов, для беседы с Богом, для ведения ангелоподобной созерцательной жизни, для предвкушения на земле райского блаженства нужно уединение.

[Никанор (Бровкович), 1884, с. 339]

Впрочем, не только религиозная жизнь предполагает уединение и созерцание, это не исключительно монашеская прерогатива. В «медленном движении» уединение и созерцание также являются обязательными условиями полноценной жизни. Обеспечение этих практик входит и в план «медленного города», и в стиль более частных направлений «медленного движения» — «медленного чтения», «медленных путешествий», любых современных направлений, имеющих целью повышение осознанности человеческих действий. Созерцание можно противополжить деятельности, деланию, активному движению (также «вещественному» или «духовному»):

Актуализм цивилизации требует от человека все возрастающей активности, но этим требованием он порабощает человека, превращая его в механизм. Человек делается средством нечеловеческого актуального процесса, технического и индустриального. Результат этого актуализма совсем не для человека, человек для этого результата. Духовная реакция против этого актуализма есть требование права на созерцание. Созерцание есть передышка, обретение мгновения, в котором человек выходит из порабощенности потоком времени. В старой культуре бескорыстное созерцание играло огромную роль.

[Бердяев, 1939, с. 110]

В этом рассуждении христианский мыслитель Н. А. Бердяев называет созерцание «обретением мгновения», в котором видит освобождение человека. Обретаемое мгновение, впрочем, не просто частица времени («математического», «объективированного», по терминологии Бердяева), но возможность выхода в «экзистенциальное время», причастное вечности. В обретении такого мгновения не важна длительность; для возможности такого опыта остановки, паузы, выхода в сверхвременное необходимо навик бескорыстного созерцания. Нередко объектом созерцания становится природа¹²; им может стать и творе-

¹² В школах Японии даже есть специальные уроки «любования природой»; практика созерцания — устойчивый элемент японской культуры.

ние, и Творец. Созерцательность не тождественна пассивности, хотя по виду и является таковой; активность и деятельность человека с ней гармонично соседствуют, взаимно ограничиваясь мерой.

С уединением и созерцанием связана практика *молчания, безмолвия*, характерная для христианской аскетики, но ставшая важным элементом и для «медленного движения». Безмолвие уст (буквальное молчание) и безмолвие души оказываются актуальными задачами и для секулярного сознания, не стремящегося к теозису, но желающего освободиться от суеты. Опыт молчания может принести практическую пользу в переоценке дара слова, в борьбе с празднословием и «языкоболием» (то есть болтливостью или злоречием, осуждаемым преп. Иоанном Карпафским, преп. Филофеем Синайским, преп. Паисием Величковским и др.). Все это и в светской этике может трактоваться как порок, хотя христианские критерии весомости слова заметно строже. Выход из затруднения маловесной речи — в готовности принять дар тишины:

Когда вдруг на нас, как благодать, сходит такая тишина, такая внутренняя умиротворенность и молчание, что если два человека охвачены таким молчанием, они сначала не могут даже говорить друг с другом, потому что сознают, что любое слово разобьет это молчание, оно разлетится вдребезги с ужасным треском, и ничего не останется. Но если себе дать молчать дальше и дальше, то можно в молчании в такую тишину, когда знаешь, что теперь, на этой глубине молчания, можно говорить, не нарушая его, а придавая ему словесную форму.

[Антоний (Блум), 2022, с. 88]

В этом рассуждении митрополит Антоний Сурожский описывает путь углубления в молчание для обретения веса и силы слова, что может быть применимо и вне христианского контекста.

Кроме практик созерцания и безмолвия, в современной секулярной повестке замедления стала удивительно популярной осознанность — пребывание в настоящем моменте, когда прошлое и будущее в значительной степени меркнут. Такой акцент также не нов для христианской мысли. О «болезни времени», например, Бердяев пишет:

В чем болезнь и смертельная печаль времени? В невозможности пережить полноту и радость настоящего как достижения вечности, в невозможности в этом моменте настоящего, самом даже полноценном и радостном, освободиться от отравы прошлого и будущего, от печали о прошлом и от страха будущего.

Радость мгновения не переживается, как полнота вечности, в ней есть отравленность стремительно мчащимся временем.

[Бердяев, 1934, с. 123]

Таким образом, разница секулярного и христианского подходов в этой интерпретации — «пребывание в моменте» и «пребывание в моменте *вечности*», а следствия для человеческой жизни в обоих случаях мыслятся схожим образом. Проблема «отравы» прошлого и будущего, ускользания настоящего времени давно находится в поле философского рассмотрения, и наряду со страхом будущего мыслители находят возможной и радость стремления к нему, надежду как значимое переживание настоящего момента.

В нашем рассуждении о медленности мы постоянно соприкасаемся с темой времени и длительности; так, медленность может мыслиться как особое качество переживания длительности. Анри Бергсон разрабатывал концепцию неоднородного времени и многообразного ритма длительности («длительности разной эластичности»), переживаемых одним и тем же человеком:

Так называемое однородное время, как мы пытались доказать в другом месте, представляет собой идол языка, фикцию, истоки которой легко обнаружить. В действительности нет единого ритма длительности: можно представить себе много различных ритмов, более медленных или более быстрых, которые измеряли бы степень напряжения или ослабления тех или иных сознаний и тем самым определяли бы соответствующее им место в ряду существ.

[Бергсон, 1992, с. 291]

Лутц Кёпник полагает, что «эстетика медленного» помогает человеку проявить «способность воспринимать и запечатлевать одновременность разных темпоральностей в пространстве настоящего» [Кёпник, 2023, с. 341]¹³, что весьма созвучно идее Бергсона. Бергсон противопоставляет «истинную длительность, переживаемую сознанием», и «однородное и независимое время» (это последнее он, впрочем, отвергает), что соотносимо с идеей Августина о *distentio animi*, растяжении (распростирации) души, которое он и называет временем.

¹³ Ср. с «Манифестом футуризма», воспевающим эстетику скорости: «Мы объявляем, что великолепие мира обогатилось новой красотой: красотой быстроты. Гоночный автомобиль со своим кузовом, украшенным громадными трубами со взрывчатым дыханием... рычащий автомобиль, кажущийся бегущим по картечи, прекраснее *Самофракийской Победы* [Ники Самофракийской]» [Манифесты, 1914, с. 7].

Соединение этих двух сюжетов (о прошлом, настоящем, будущем и переживании длительности) представляется нам уместным и продуктивным при разговоре о музыке — позволим себе небольшое отступление в темы философии музыки, поскольку именно музыкальная метафорика может стать хорошей уточняющей иллюстрацией рассматриваемых сюжетов. Для уже упоминавшегося Бергсона музыка, впрочем, была не просто иллюстрацией: по мнению ведущих бергсоноведов, тема музыки выражает самые основания его учения¹⁴ о длительности и сущности времени. Сравним два высказывания — одно из писем Бергсона, другое из книги «Музыка как предмет логики» А. Ф. Лосева — и увидим, как они созвучны в понимании временного характера музыки. Бергсон пишет: «...мелодия идет вперед... она есть движение или изменение, нечто длящееся и, следовательно, не являющееся одновременностью; но в этой мелодии прошлое составляет одно целое с настоящим и образует с ним неделимое единство» [цит. по: Блауберг, 2019, с. 177]. Лосев дает такую феноменологическую формулу чистого музыкального бытия: «слитость всего во всем, исчезновение всех противоположностей», то есть «уничтожение моментов прошлого и будущего, так как то и другое констатируется как убыль, недостаток или ожидание бытия, а здесь [в музыке] — всеприсутствие и отсутствие исчезновения. Это значит, что перед нами течение времени — без перехода в прошлое. Музыкальное произведение — длительное настоящее, без ухода в прошлое, ибо каждая слышимая в нем деталь не дана сама по себе, но — лишь в органическом сращении со всеми другими деталями этого произведения, во внутреннем с ними взаимопроникновении. Все музыкальное произведение есть сплошное настоящее, без ухода в прошлое, изменение с присутствием изменившегося» [Лосев, 2012, с. 49–50]. Итак, музыка являет собой, по мнению Лосева, «сплошное настоящее», и, возможно, именно это состояние сознания — искомое идеологами «медленного движения», стремящимися к со-временности, со-присутствию настоящему (времени); музыкальная метафорика ими, полагаем, недооценена. Но для нашей темы значима не только метафорика, но и практические замечания об исполнительской технике музыканта, которые можно прочесть как универсальные. Так, пианист Г. Г. Нейгауз пишет: «Не только ферматы, но и перерывы между частями многочастного произведения далеко не безразличны с точки зрения “музыкально-временной логики”. ...тишину, перерывы, остановки, паузы (!) надо слышать, это тоже музыка!» [Нейгауз, 1988, с. 43]. Навык создания пауз и слушания тишины можно расширить до масштаба жизни

¹⁴ О разногласиях в трактовке значимости темы музыки в творчестве Бергсона см.: [Блауберг, 2019].

человека, звучанием полагая действия и слова, тишиной — замедление или остановку для вникновения в настоящий момент. Практики внимания к тишине схожи для многих конфессий и религиозных групп (являясь, впрочем, условием духовного делания, а не его целью). Интерпретация жизни человека как музыкального произведения позволяет применить идеи Бергсона и Лосева (а также Э. Гуссерля) о неделимом единстве прошлого и настоящего (впрочем, такая интерпретация вольна и неуниверсальна), а замечание о важности пауз и об их неотъемлемом вхождении в ткань произведения соединимо и с практиками «медленного движения», и с христианскими принципами духовной жизни.

Следующее важное следствие ускорения жизни, трактуемое и христианами мыслителями, и идеологами «медленного движения» как негативное, — уничтожение локальной культуры, поместного уклада, на смену которому приходит общий, универсальный стиль жизни. В нашем исходном тексте Бровковича читаем:

В старые, да и в недавние еще годы на широкой Руси всякий особый угол человеческого жилья, мало проникаемый, редко посещаемый, жил своим особым духом, питался своими поверьями и преданьями, дышал своею поэзией старины. Ныне же железно-дорожные поезда сразу смели со всей шири русской земли весь этот дух, всю эту идиллию поместной жизни своим богатырским посвистом.

[Никанор (Бровкович), 1884, с. 340]

Сохранение и развитие локальной культуры — фундаментальный принцип «медленного движения» с момента появления самого первого направления *slowfood* («медленной еды»), которое выстраивалось именно вокруг местных традиций питания. «Медленный туризм» и «медленный город» крепко связаны с местной историей, объединяют буквально медленное передвижение (избегание автомобилей и самолетов в пользу велосипедных и пеших маршрутов) с вдумчивым вхождением в самобытный местный колорит и большим контактом с окружающими людьми¹⁵. Уничтожение уникальных «лиц» городов и селений становится частью процесса под зонтичным названием «глобализация». Однако более продуктивной и точной представляется идея «глокализации» (англ. термин *glocalization*, объединяющий слова *globalization* и *local, localism*),

¹⁵ О связи «медленного движения» и сохранения локальных культур см., например: [Prasongthan, Silpsrikul, 2023].

которая описывает противоречивую и сложную ситуацию одновременного глобализационного сглаживания различий и усиления специфических, локальных особенностей. С неприятием всесмещения культур и традиций (в том числе религиозных) связаны характерные для многих русских христианских мыслителей антиглобализм и антиэкуменизм. Так, К. Н. Леонтьев был выдающимся поборником сохранения национальных ликов и приходил в негодование от угрозы усреднения, универсализации (и вообще эгалитарных поветрий), и неслучайно именно он отозвался на «Поучение» Бровковича, назвав его «лучом божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма и современного вавилонского всесмещения» [Леонтьев, 2007, с. 150]. Мысль о том, что «исчезнут особенности отдельных народностей и будет одна на земле национальность космополитическая», в обертонах созвучна и локально-ориентированному «медленному движению», однако в основном акценте все же отличается. Христиане трепетно относятся к лику каждого творения («обособленной цельности человеческого духа»), но надличностные общности не имеют самоценности, оцениваются по своей сути, характеру и цели существования.

Итак, замедление и его следствия — вдумчивое развитие человека и его ойкумены, практики безмолвия и слушания, сохранение разнообразия культур и биоразнообразия, разумное потребление — объединяют и христианский, и секулярный подходы, совпадают в видении необходимых условий для человеческого благосостояния. Архаичность «Поучения» Бровковича не исключает его актуального звучания, подчеркивает постоянную значимость проблем скорости жизни, восприятия времени и ощущения себя в настоящем моменте, которыми независимо друг от друга озадачиваются и христианские мыслители, и деятели «медленного движения». Возможно, «посягательство» на автономию друг друга, взаимное общение по тому широчайшему спектру вопросов, которые были кратко обозначены в нашем тексте, позволят углубить аксиологические основания «медленного движения» и сообщить ему более масштабный прикладной характер.

Отметим также, что современные идеологи «медленного движения» предостерегают от *чрезмерного* увлечения идеей медленности, понимая склонность к созданию культов и идолотворению: «Мы вовсе не хотим сменить один культ на другой, идола скорости на идола медленности» [Оноре, 2019, с. 242]. Тем не менее, постепенно «медленное движение» обрастает новыми структурами и институтами, урбанистическими проектами и практиками медленной жизни; но «мягкая сила» медленной философии все же значительнее: ее идеи проникают в быт, в экономические процессы, в искусство. Проникают «медленные» идеи и в урбанизм, обогащая «новый урбанизм» и тоже отчасти превращая его

в «медленный». Важна медленность и для создания и укрепления сообщества людей, внимания и глубины переживания *другого* (человека) — это одинаково актуально и для атомизированной городской среды, и для христианских общин.

Созвучие христианской мысли XIX века и современной секулярной «медленной» повестки позволяет предположить, что интуитивные ощущения нормального темпа и сути благополучия человеческой жизни у этих двух взглядов схожи (и в целом константно) — по крайней мере, в том, что освобождают человека от порабощенности неврозом времени и культом скорости, то есть в признании важности замедления. На что направить эту свободу? Здесь религиозный и секулярный голоса снова созвучны: на возвращение человека к самому себе, на углубление и познание собственной природы. В понимании же природы человека, его корней и целей существования религиозная (христианская) и секулярная оптика значительно отличаются. Впрочем, эта фундаментальная антропологическая проблема далеко выходит за рамки нашего рассуждения.

Список источников

Августин Аврелий. Исповедь. М.: Изд-во АСТ, 2022. 384 с.

Антоний (Блум), митр. Сурожский. Человек перед Богом. М.: Медленные книги, 2022. 528 с.

Бергсон А. Собрание сочинений: в 4 т. / [авт. вст. ст. И. И. Блауберг]. М.: Московский клуб, 1992. Т. 1: Опыт о непосредственных данных сознания; Материя и память. 325 с.

Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии). Paris: YMCA-press, 1939. 222 с.

Бердяев Н. А. Я и мир объектов. Paris: YMCA-press, 1934. 191 с.

Блауберг И. И. О значении музыки в философии Анри Бергсона // Научный вестник Московской консерватории. 2019. № 2 (37). С. 174–185.

Искусство медленного чтения. История. Традиция. Современность: коллективная монография / У. Гершович, А. В. Голубков, А. Б. Ковельман и др.; отв. ред. Н. Н. Смирнова. М.: Канон плюс, 2020. 364 с.

Кёпник Л. О медленности / пер. с англ. Н. Ставрогиной. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 342 с.

Ла Сизеранн Р. де. Рёскин и религия красоты. М.: Изд. магазина «Книжное дело» и И. А. Баландина, 1900. 202 с.

Леонтьев К. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2007. Т. 8, кн. 1: Публицистика 1881–1891 годов. 638 с.

Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики. М.: Академический проект, 2012. 205 с.

Манифесты итальянского футуризма: Собрание манифестов Маринетти, Бичьони, Карра, Руссоло, Балла, Северини; Прателла, Сен-Пуан / пер. [и предисл.] Вадима Шершеневича. М.: Тип. Рус. т-ва, 1914. 77 с.

Нейгауз Г. Г. Об искусстве фортепианной игры: Записки педагога. 5-е изд. М.: Музыка, 1988. 241 с.

Никанор (Бровкович), архиеп. Поучение при освящении новых зданий вокзала железной дороги в Одессе // Православное обозрение. 1884. Окт. Т. 3. С. 326–343.

Оноре К. Без суеты: как перестать спешить и начать жить. М.: Альпина Паблишер, 2019. 335 с.

Плантинга А. Аналитический теист: антология Алвина Плантинги / сост. Дж. Ф. Сеннет; пер. с англ. К. В. Карпова; науч. ред. В. К. Шохин. М.: Языки славянской культуры, 2014. 568 с.

Соловьев А. П. Архиепископ Никанор (Бровкович) о вреде идеи прогресса и вероятной пользе железных дорог // Вестн. ПСТГУ: Богословие. Философия. 2014. Вып. 4 (54). С. 29–45.

Трезвомыслие: сборник творений русских подвижников благочестия об основах духовной жизни в молитве Иисусовой: в 2 т. / сост. Авраам (Рейдман), схиигумен. М.: Паломник, 2009. Т. 2. 512 с.

Linnell J. D. C., Cretois, B. Research for AGRI Committee — The revival of wolves and other large predators and its impact on farmers and their livelihood in rural regions of Europe. European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies. Brussels, 2018.

Past climate changes, population dynamics and the origin of Bison in Europe / Massilani D., Guimaraes S., Brugal J. P. et al. // BMC Biology. 2016. No. 14 (93). 17 p. doi:10.1186/s12915-016-0317-7.

Prasongthan S., Silpsrikul R. The connection of slow food principle with community-based tourism in Thailand: investigating generation Y perception // GeoJournal of Tourism and Geosites. 2023. Vol. 48, no. 2 spl. P. 709–716. doi:10.30892/gtg.482spl04-1070.

Rewilding European Landscapes / Ed. by Henrique M. Pereira, Laetitia M. Navarro. Cham; Heidelberg; New York; Dordrecht; London: Springer, 2015. 227 p.

References

Augustinus, Aurelius (2022) *Ispoved'* [Confessions]. Moscow: AST Publ.

Antonii (Blum), mitropolit Surozhskii (2022) *Chelovek pered Bogom* [A man before God]. Moscow: Medlennye knigi.

Bergson, A. (1992) *Sobranie sochinenii v 4 tomakh. Tom 1: Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya; Materiya i pamyat'* [Collected works: in 4 vols. Vol. 1: An

Essay on the Immediate Data of Consciousness; Matter and Memory]. Moscow: Moskovskii klub.

Berdyayev, N. A. (1939) *O rabstve i svobode cheloveka (Opyt personalisticheskoi filosofii)* [*Slavery and Freedom (an experience of personalism philosophy)*]. Paris: YMCA-press.

Berdyayev, N. A. (1934) *Ya i mir ob"ektov* [*Me and the world of objects*]. Paris: YMCA-press.

Blauberg, I. I. (2019) “O znachenii muzyki v filosofii Anri Bergsona” [“On the meaning of music in the philosophy of H. Bergson”], *Nauchnyi Vestnik Moskovskoi Konservatorii* [*Scientific Bulletin of the Moscow Conservatory*], 2(37), pp. 174–185.

Gershovich, U. et al. (2020) *Iskusstvo medlennogo chteniya. Istoriya. Traditsiya. Sovremennost': kollektivnaya monografiya* [*The art of slow reading. History. Tradition. Modernity: collective monograph*]. Moscow: Kanon plus.

Kepnik, L. (2023) *O medlennosti* [*On slowness*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

La Sizerann, R. de (1900) *Reskin i religiya krasoty* [*Ruskin and the religion of beauty*]. Moscow: Izdanie magazina «Knizhnoe delo» i I. A. Balandina.

Leont'ev, K. N. (2007) *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: V 12 tomakh. Tom 8, kniga 1: Publitsistika 1881–1891 godov* [*Complete works and letters: in 12 vols. Vol. 8, book 1: Journalism of 1881–1891*]. St. Peterburg: Vladimir Dal Publ.

Losev, A. F. (2012) *Muzyka kak predmet logiki* [*Music as a subject of logic*]. Moscow: Akademicheskii proekt.

Manifesty ital'yanskogo futurizma: Sobranie manifestov Marinetti, Bichch'oni, Karra, Russolo, Balla, Severini; Pratella, Sen-Puan [*Manifestos of Italian Futurism: A collection of manifestos by Marinetti, Boccioni, Carra, Russolo, Balla, Severini; Pratella, Saint-Pointe*] (1914) Transl. by Vadim Shershenevich. Moscow: Tip. Rus. t-va.

Neigauz, G. G. (1988) *Ob iskusstve fortepiannoi igry: Zapiski pedagoga* [*On the art of piano playing: Notes from a teacher*]. Moscow: Muzyka.

Nikanor (Brovkovich), arkhiepiskop (1884) “Pouchenie pri osvyashchenii novykh zdanii vokzala zheleznoi dorogi v Odesse” [“Teaching at the consecration of new railway station buildings in Odessa”], *Pravoslavnoe Obozrenie* [*Orthodox Review*], 3, pp. 326–343.

Onore, K. (2019) *Bez suety: kak perestat' speshit' i nachat' zhit'* [*No fuss: how to stop rushing and start living*]. Moscow: Al'pina Pabliher.

Plantinga, A. (2014) *Analiticheskii teist: antologiya Alvina Plantingi* [*The Analytic Theist: An Alvin Plantinga Reader*]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury.

Solov'ev A. P. (2014) “Arkhiepiskop Nikanor (Brovkovich) o vrede idei progressa i veroyatnoi pol'ze zheleznykh dorog” [“Archbishop Nikanor (Brovkovich) on the dangers of the idea of progress and the likely benefits of railways”], *Vestnik PSTGU: Bogoslovie. Filosofiya* [*Bulletin of the PSTGU: Theology. Philosophy*], 4(54), pp. 29–45.

Avraam (Rejdman), Schiigumen (ed.) (2009) *Trezvomyslie: sbornik tvorenij russkih podvizhnikov blagochestija ob osnovah duhovnoj zhizni v molitve Iisusovoj: v 2 tomakh. Tom 2* [Sober thinking: A collection of works by Russian ascetics of piety on the foundations of spiritual life in the Jesus Prayer: in 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Palomnik.

Linnell, J. D. C. & Cretois, B. 2018, Research for AGRI Committee — The revival of wolves and other large predators and its impact on farmers and their livelihood in rural regions of Europe, European Parliament, Policy Department for Structural and Cohesion Policies, Brussels.

Massilani, D., Guimaraes, S., Brugal, JP. *et al.* Past climate changes, population dynamics and the origin of Bison in Europe. *BMC Biol* **14**, 93 (2016). <https://doi.org/10.1186/s12915-016-0317-7> (Accessed: 01 September 2023).

Prasongthan, S. & Silpsrikul, R. (2023) The connection of slow food principle with community-based tourism in Thailand: investigating generation Y perception, *GeoJournal of Tourism and Geosites*, 48(2spl), pp. 709–716. <https://doi.org/10.30892/gtg.482spl04-1070> (Accessed: 01 September 2023).

Pereira, H. and Navarro, L. (eds) (2015) *Rewilding European Landscapes*. Cham, Heidelberg, New York, Dordrecht, London: Springer.

Информация об авторе: Анна Федоровна Макарова — кандидат философских наук, ассистент кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. Адрес: Российская Федерация, 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4; научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Information about the author: Anna F. Makarova — PhD in Philosophy, Assistant at the Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University. Address: 27/4 Lomonosovsky Avenue, GSP-1, Moscow, 119991, Russian Federation; Research Fellow at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Address: 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.11.2023;
одобрена после рецензирования 01.12.2023;
принята к публикации 10.12.2023.

The article was submitted 17.11.2023;
approved after reviewing 01.12.2023;
accepted for publication 10.12.2023.